

ГОРОДСКАЯ СРЕДА ГРОЗНОГО КАК ПРОСТРАНСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Лидия Увайсовна Курбанова¹

Алексей Николаевич Гуня²

Элита Султановна Абдулаева³

^{1,3} Чеченский государственный университет

им. А. А. Кадырова,

Грозный, Россия;

² Институт географии РАН,

Москва, Россия,

¹ medna59@mail.ru,

ORCID 0000-0003-4126-8241

² gunyaa@yahoo.com,

ORCID 0000-0002-9255-1592

³ elita8881@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7877-3853

Для цитирования: Курбанова Л. У., Гуня А. Н., Абдулаева Э. С. Городская среда Грозного как пространство конструирования и воспроизводства коллективной памяти современного чеченского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 74–94. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.4. EDN LUCLHS.

Аннотация. В статье рассматривается городская среда города Грозного как пространство конструирования и воспроизводства культурной памяти. Используются методологические подходы, базирующиеся на разработках по коллективной памяти, где рассматриваются вопросы соотношения индивидуальной и коллективной памяти, роли забвения в создании нового нарратива, а также концепции символического господства и мест памяти. Сделана попытка раскрыть две сюжетные линии смысла знаково-символического передела городской среды Грозного глазами молодого поколения, которое знает только новый послевоенный город, и взглядом старого горожанина, в памяти которого смешались два облика города: старый и новый. Эмпирическую базу исследования составил ряд источников: региональные официальные документы по смене топонимов Грозного, интервью старожилов Грозного, данные опросов и интервью среди студенческой молодёжи и более старших жителей Грозного, помнящих довоенный город. Было проведено анкетирование среди студентов в 2023 (N = 92) и в 2024 (N = 76) годах. Среди жителей Грозного старшего поколения

© Курбанова Л. У., 2025

© Гуня А. Н., 2025

© Абдулаева Э. С., 2025

было взято 7 интервью в марте 2024 года. Результаты показали, что формирование современной культурной памяти в чеченском обществе основывается на разных механизмах: 1) конструирование и селекция культурной памяти со стороны государства; 2) сохранение пластов культурной памяти и её трансформация на уровне семьи и близкого социального окружения; 3) поколенческий разрыв в уровне ценностной оценки ключевых исторических событий чеченского общества; 4) доминирование символического господства в сфере урбанонимов со стороны официальных институций и агентов влияния на региональном уровне. В результате конструируется городская среда как некий текст-послание, декларирующий новый нарратив в интерпретации и презентации пространства, в котором формируются городская идентичность и культурная память жителя современного Грозного.

Ключевые слова: коллективная память, городская среда, городская идентичность, Грозный, топонимика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-00698 «Культурная память и толерантность: проблемы формирования ценностей современного общества: региональный аспект».

Введение

Городская среда является важнейшим фактором воспроизводства коллективной памяти. Смена знаково-символических объектов и «мест памяти» города, трансформация их смыслов и появление новых идеологических нарративов разрушают живую ткань памяти города, травмируют коллективную память. Вопросы формирования коллективной памяти являются актуальными в контексте глобальных сдвигов в интенсивности и охвате информационных потоков, критическом пересмотре истории и конструировании управляемых дискурсов, влияющих на коллективную идентичность национальных сообществ. Чеченская Республика, пережившая потрясения и войны на рубеже веков, является уникальным объектом для исследования трансформаций социального пространства и радикальной модернизации. Особое место занимает город Грозный, который за последние десятилетия практически полностью сменил свой облик и состав населения. Ныне большинство горожан представлено поколениями чеченцев, которые приехали в столицу республики из сельских районов. Население современного Грозного представляет собой моноэтническое сообщество, ориентированное в целом на работу в сфере услуг, но в той или иной мере сохраняющее связь с сельскими районами. Город аккумулировал в себе не только политические и экономические функции республики, но и стал центром конструирования и воспроизводства коллективной памяти в новых условиях активного восстановления мирной жизни. Одно из ключевых мест в конструировании и воспроизводстве коллективной памяти, сохранении преемственности и обеспечении определённой устойчивости в условиях агрессивной модернизации занимает идентичность. Распад прежней и конструирование новой модели постсоветской знаково-символической пространственной среды города характерны для многих городов, однако ни один город постсоветского времени

не был так разрушен, как Грозный. При этом образовался поколенческий разрыв памяти, когда молодые горожане знают только новый город, формирование их городской идентичности происходит в условиях новой урбанистической идеологии и практики, которую, по мнению некоторых исследователей, можно рассматривать не как интеллектуальный проект, а как социальную практику, имеющую некое ядро, вокруг которого идёт процесс конструирования идентификационных стратегий [1]. Не покидает ощущение, что образовалось стойкое противоречие между топонимическим нормативизмом («как должно быть») и идеологией идентичности, доминирующей в данном регионе.

Методологические подходы

Концептуальные рамки и методологические подходы данной работы базируются, во-первых, на исследованиях коллективной памяти М. Хальбвакса, П. Рикера, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора, П. Коннертона и других учёных, рассматривающих вопросы соотношения индивидуальной и коллективной памяти, места и роли забвения в создании нового нарратива. Во-вторых, использована концепция символического господства П. Бурдьё, который рассматривает наименование объекта и его имя в качестве фундаментальных элементов символического капитала. Процессы наименования, переименования, следовательно, становятся важным механизмом установления символического господства и «мягкого» насилия в городском пространстве. В-третьих, авторы опирались на теоретические представления о роли городской среды, её знаково-символического ландшафта в формировании городской идентичности и коллективной памяти [2].

Коллективная память понимается как культурно кодированная память, сохраняющаяся в различных формах: в устной форме благодаря живым носителям, в текстах, а также материальной культуре, часто носящей символический характер. В городской среде с её интенсивной социальной динамикой и важной ролью знаково-символического и топонимического ландшафта культурная память наиболее близка к определению, данному Я. Ассман, как «формы трансляции и актуализации культурных смыслов» [3, с. 151]. Город приобретает функцию обобщённого символа индивидуального опыта [4]. Города являлись и являются важными центрами, в которых происходит активное воздействие на коллективную память. Особенно оно усилилось в связи с развитием информационных технологий и сети интернет. Ценностная сторона памяти, сохранение «важных» эпизодов или забывание «отрицательных» стали ещё более субъективными, подвергаясь воздействию со стороны нынешних «конструкторов памяти». Набор противоречий, попадающий в поле анализа, охватывает следующие аспекты: политическое и юридическое сведение счётов с прошлым; критику официальных версий истории и возвращение вытесненных воспоминаний; смену идеологии забвения идеологией памятования; национально-культурное наследование и преемственность культур; активное развитие

мемориальных практик и генеалогических изысканий; повышенное внимание к сбору архивов и открытию «памятных мест» [5].

Механизмы, отражающие процессы конструирования и воспроизводства коллективной памяти в регионах с превалирующим традиционным укладом, вовлекают государство, местное сообщество, а также малые социальные группы, вплоть до семьи, в формирование социальных пространств [6]. Важную роль играют знаково-символические маркеры, включающие топонимику, памятники, мемориальные таблички и др. Этому могут способствовать повторяющиеся события, связанные, например, с установлением праздничных дней (так называемого мемориального календаря).

Изучению роли пространственно-временных маркеров в формировании памяти и идентичности чеченцев посвящён ряд работ. Так, в работах В. Х. Тхакахова [1; 7], А. А. Головлёва [8] и других авторов упор сделан на анализ изменений в топонимическом ландшафте в связи с современными процессами формирования идентичности чеченцев. Другой пласт представляют работы иностранных учёных, которые рассматривают изменения в топонимике и селекции исторических событий в Чечне как инструмент управления на уровне республики [9] или, например, как решения проблемы идентификационных стратегий молодых чеченцев-мигрантов в Бельгии [10]. Но исследователями не затронут вопрос: как новая топонимическая картина и установленный сверху годовой цикл праздников стали факторами, формирующими городскую идентичность современных грозненцев? За рамками анализа оказались вопросы оценки эффективности усилий государства по формированию коллективной памяти, а также о роли традиционного сообщества в обеспечении преемственности и формировании механизмов «приживания» новых символов.

Опираясь на концепции символического господства и мест памяти [11; 12], авторы статьи в своём исследовании попытались раскрыть две сюжетные линии смысла знаково-символического передела, развернувшегося в Грозном: глазами молодого поколения, которое знает только новый послевоенный город с совершенно другим топонимическим рядом, и взглядом старого горожанина, в памяти которого совместились два облика города – старый и новый. Городская идентичность жителя Грозного, живущего памятью о городе, которого нет, – это новый знаково-символический уровень. Его городская идентичность – это «память о памяти», которую можно охарактеризовать как кризис отношений между физическим ландшафтом и его смысловым наполнением [13]. Вместе с тем именно старшее поколение играет решающую роль в сохранении преемственности и ценностных ориентиров формирования коллективной памяти и вступает в противоречия с растущим влиянием модернизации, что наиболее очевидно выражено в интенсивном развитии сферы туризма и сетей массовой коммуникации. Немаловажным является слабо исследованный аспект – сохранение коллективной памяти чеченской диаспоры в Западной Европе [14] и формирование коллективной памяти молодого поколения чеченской диаспоры, уже выросшей в Западной Европе [10].

Формирование коллективной памяти, базирующейся на сложных процессах, где важную роль играет селекция памяти, нуждается ещё в теоретическом осмыслении. Коллективная память в контексте нынешних глобализационных процессов, избыточного пространства-времени становится важным социальным ресурсом. Доступ к этому ресурсу оспаривается различными акторами на мировой сцене. Государство пытается монополизировать этот доступ в пределах своей территории. Однако трансграничные информационные потоки размывают эту монополизацию. Становится очевидным факт, что, помимо консолидирующего влияния, мемориальная практика способна разобщить общество, реконструироваться в сознании разных групп совершенно в противоположных смыслах. Эти разногласия способны расколоть общество на противоборствующие лагеря [15].

Материалы и методы

В работе использован комплекс методов: анкетирование и проведение фокус-групп в студенческой среде ($N = 168$), полужформализованное интервью со старожилами Грозного, которые помнят старый довоенный город ($N = 7$), сбор данных по топонимике Грозного и изучение праздничных календарей за разные исторические периоды (советский, «ичкерийский» и современный).

Анкетирование среди студентов гуманитарного факультета университета города Грозного было проведено дважды. В 2023 году в опросе приняли участие 92 студента в возрасте от 19 до 24 лет (средний возраст 21 год) с примерно равным соотношением девушек и юношей. Ответы на вопросы анкет отражали знания памятных дат в истории чеченского этноса и то, как они отмечаются на уровне семьи, какие памятники культуры Грозного известны, какие улицы в городе наиболее аттрактивны, почему и т. п. После обработки материалов и их визуализации было принято решение о повторе анкетирования с тем, чтобы уточнить некоторые вопросы и снять спорные моменты. При повторном анкетировании в 2024 году анкеты были распространены студентами также среди их родственников и друзей, в связи с чем в выборку добавились представители старшего возраста. Вторая выборка состояла из 76 человек: от 21 до 40 лет – 62 человека, старше 40 лет – 14 человек. Ответы на многие вопросы показали примерно одинаковый разброс мнений. Следует подчеркнуть, что анкетирование проходило среди студентов гуманитарных специальностей, ядро которых составляли юристы. Эти респонденты (и их семьи) представляют наиболее активные со средним и высоким достатком слои населения. Если бы анкетирование проводилось среди студентов естественных факультетов, то результаты могли бы быть другими.

Глубинные интервью ($N = 7$) в марте 2024 года проходили в виде неформального общения о старом городе с информантами, проживавшими в городе до войны, у которых в Грозном прошло детство и юность.

Соотношение коренных грозненцев и жителей других районов Чеченской Республики показано на рисунке 1. Такое распределение в целом соответствует нынешней складывающейся обстановке в Грозном, где коренных жителей менее 40%.

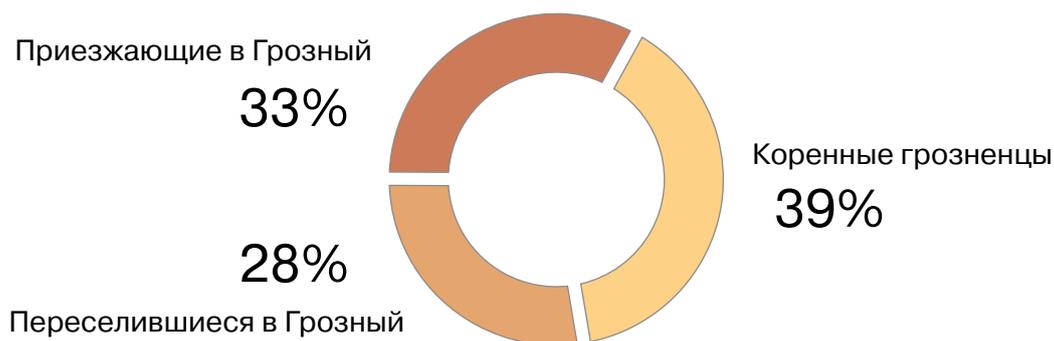

Рис. 1. Распределение студентов, участвовавших в анкетировании по месту жительства, 2024, %

Также важными материалами исследования послужили справочники по названиям улиц Грозного, а также календари за советский, «ичкерийский» (1991–1994 гг. и 1996–1999 гг.) и современный периоды, материалы полевых исследований, проведённых в Грозном в 2022–2023 гг., связанных с топонимикой, сохранением или уничтожением памятников разных эпох, а также созданием новых. Был проведён ряд интервью с жителями Грозного (разных возрастных групп), которые были нацелены на определение укоренённости топонимики и праздников в современном сообществе. Немаловажной стала экспертная оценка событий некоторыми авторами статьи, которые непосредственно жили в Грозном в советский, «ичкерийский» и современный периоды времени.

Результаты

Коллективная память и топонимика. В формировании коллективной памяти особое место занимают визуально хорошо узнаваемые символы – памятники, надписи, а также названия населённых пунктов, улиц и т. д. В настоящее время на территории Чеченской Республики наблюдается формирование своеобразного культурно-топонимического палимпсеста, когда одновременно встречаются памятники и названия, характеризующие разные исторические периоды. Ярким примером может служить город Грозный, который возник как рабочий город нефтяников. В конце 1980-х гг. в нём проживали около 400 тыс. человек, 30% горожан составляли чеченцы. В 2020 году, согласно итогам Всероссийской переписи, в Грозном проживали 314 тыс. человек, 95,5% – чеченцы¹. Согласно реестру², в городе Грозный 2146 улиц, проспектов, площадей,

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками 2020 // Федеральная служба государственной статистики : сайт. 28.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.05.2024).

² Об утверждении Реестра улиц города Грозного в новой редакции и наименовании объектов города Грозного: решение Грозненской Городской Думы от 28 октября 2021 г. № 12. URL: <https://grozgoduma.ru/wp-content/uploads/2021/11/Nº-12-Решение-ГрД-об-утверждении-Реестр-улиц-в-новой-редакции.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

парков, скверов, проездов, переулков, участков. 450 из них, т. е. почти каждая четвёртая улица, переулок и т. д., имеют название, связанное с конкретной исторической личностью.

История именованья и переименования может служить основой для изучения связи коллективной памяти и государственной политики разных эпох. Первые переименования в Грозном отмечались в XIX веке. Так, ул. Мостовая стала называться Графо-Евдокимовской (в честь генерала Н. И. Евдокимова), ул. Нижнебазарная – Барятинской (в честь Кавказского наместника, главнокомандующего Кавказской армией, князя Барятинского) и т. п. [8].

В советское время наименование и переименование улиц приобрели идеологический ракурс. Практически все названия, связанные с царским прошлым, вычёркивались, на их месте появлялись названия, связанные с Октябрьской революцией и именами деятелей и кумиров советской эпохи, в первую очередь – Маркса, Энгельса, Ленина. Постепенно улицы стали переименовываться в честь чеченцев и ингушей, имевших заслуги перед советской властью. Так, имена героев гражданской войны приобрели улицы Безымянная (теперь имени Ахриева), Красная (имени Тасуева), Южная (имени Албогачиева) и т. д. В годы перестройки национальный компонент в названиях улиц Грозного возрос. Грозненский аэропорт был назван в честь шейха Мансура. Ближайшая к Грозному железнодорожная станция Ермоловская была переименована в Байсангурскую (в честь Байсангура Беноевского, сражавшегося с русскими войсками в годы Кавказской войны).

Особенно большими темпами процесс переименования шёл в 1990-е гг. В «ичкерийский» период переименования улиц и площадей стали массовыми (около 150 переименований). Предпочтения отдавались именам в честь святых шейхов и известных чеченских деятелей: ул. Сивашская стала носить имя шейха Ташу-Хаджи, ул. Ремесленная – шейха Кунта-Хаджи, ул. Ленина стала ул. Авторханова, ул. Заветы Ильича – ул. им. М. А. Айдамировой, ул. К. Маркса – ул. им. А. Дудаева и т. д.

В настоящее время, несмотря на масштабные переименования, названия большинства улиц либо не персонализированы, либо остались прежними. Город представляет собой смешение различных эпох и направлений (от традиционных названий к названиям в честь деятелей культуры, науки, политики). Можно встретить улицу Энгельса и переулок Ленина, улицы Моцарта и Глинки, Пушкина и Лермонтова, Гагарина и Путина. Грозный по-прежнему сохраняет северокавказский топонимический набор: здесь, как и раньше, можно встретить улицы Кабардинская, Калмыкская, Махачкалинская, Нальчикская и др.

При этом совершенно очевидно, что символический капитал советских урбанонимов, связанных с политическими деятелями раннего социализма, в столице республики максимально обесценивается [7]. В настоящее время город Грозный продолжает избавляться от символов советской идентичности. Появились проспекты и улицы, названные в честь шейхов – Кунта-Хаджи Кишиева, Дени Арсанова, Али Митаева – и их близких родственников. Широкое

распространение в Грозном и по всей республике получило переименование объектов в честь А. А. Кадырова. Так, в Грозном площадь и проспект Ленина стали носить имя А. А. Кадырова. Его именем названы Чеченский государственный университет, международный аэропорт Грозного, республиканская футбольная команда, десятки учреждений, скверов, парков. Имя А. А. Кадырова носят центральные улицы практически всех чеченских городов и сёл. Парки и мечети, названные в его честь, есть не только в Чеченской Республике, но и в Турции, и в Иордании. В 2016 году в Санкт-Петербурге безымянному мосту было присвоено его имя.

Коллективная память и праздники. Помимо пространственных маркеров, «тренирующих» память каждого и создающих основу для коммеморации и воспроизводства коллективной памяти, важную роль играют праздники и другие коммеморативные мероприятия, способствующие закреплению тех или иных пластов памяти. В советское время праздничными и выходными днями для всего СССР были Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1–2 мая), День Победы (9 мая), День Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), а также День Конституции (5 декабря). Праздничными, но не выходными были такие дни, как 23 февраля (День Советской Армии и Военно-Морского Флота), 22 апреля (День рождения В. И. Ленина) и др. В нынешнее время перешли лишь некоторые праздники, что говорит о коренной перестройке механизмов коммеморации.

Ныне имеются существенные различия в установлении праздничных дней на уровне всей России и в её регионах. Так, текущий производственный календарь Чеченской Республики содержит 10 региональных праздников, включая такие важнейшие для мусульман, как Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, и 8 общероссийских. Практики коммеморации в данном случае базируются на механизмах повторения и закрепления событий, прошедших процедуру официальной переоценки со стороны государства (см. табл. 1).

Мероприятия, связанные с 23 февраля – днём насильственного выселения чеченцев и ингушей в 1944 году, перенесены на 10 мая. В 2010 году 23 февраля официально был объявлен Днём памяти и скорби¹. Но в 2011 году специальная комиссия объявила, что День памяти и скорби народов республики будет ежегодно отмечаться 10 мая. Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров объяснил это решение тем, что республика должна отмечать государственные праздники России вместе с другими регионами². Идеологический подтекст перенесения заключается в том, чтобы не совпали День защитника Отечества и день депортации чеченцев. Если для всей страны празднование победы

¹ В Чечне 23 февраля официально объявили Днём памяти и скорби // РИА новости : сайт. 23.02.2010. URL: <https://ria.ru/20100223/210510093.html?ysclid=lumhpkttf5648662657> (дата обращения: 19.02.2024).

² Почему 10 мая – день памяти и скорби? // Вести Чеченской Республики : сайт. URL: <https://vesti095.ru/2018/05/pamyat-i-skorbi/> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 1

**Праздничные дни: общероссийские и дополнительные*
республиканские в Чеченской Республике**

Общероссийские (нерабочие дни)	Даты	Дополнительные республиканские	Даты
Новый год	Как правило, первая неделя нового года	День почитания эвлия-устаза Кунта-Хаджи Кишиева	3 января
Рождество Христово	7 января	День Конституции Чеченской Республики; День государственной символики Чеченской Республики	23 марта (нерабочий день)
День защитника Отечества	23 февраля	День мира в Чеченской Республике	16 апреля (нерабочий день)
Международный женский день	8 марта	Ураза-Байрам (Ид аль-Фитр)	Устанавливаются каждый год (нерабочие дни)
Праздник Весны и Труда	1 мая	День чеченского языка	25 апреля
День Победы	9 мая	День памяти и скорби народов Чеченской Республики	10 мая
День России	12 июня	Ид аль-Адха (Курбан-Байрам)	Устанавливаются каждый год (нерабочие дни)
День народного единства	4 ноября	С 2002 г. А. Кадыровым установлен День Чеченской Республики, День гражданского согласия и единения	6 сентября

* Нерабочие праздничные дни, профессиональные праздники и памятные даты Чеченской Республики. Праздники и памятные даты : сайт. URL: <https://chechnya.gov.ru/respublika/simvolika/prazdniki-i-pamyatnye-daty/> (дата обращения: 22.03.2024).

в Великой Отечественной войне является абсолютным приоритетом, то для чеченского общества воспоминания об этой войне более чем трагические. Именно эти годы стали периодом отчуждения народа от своей земли, его многовековой культуры. Осмысление и переоценка исторических событий, связанных с депортацией чеченцев (и других народов) в Среднюю Азию, до сих пор не завершены. Все точки над «i» окончательно не поставлены и после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов»¹.

Новые идеологические рамки формируют и новые праздники. Региональный мемориальный календарь обновлён. Появились праздники, которых не было в советское время, большинство из них имеют национальную или религиозную

¹ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями от 01.07.1993) // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 19.02.2024).

составляющую. Соотношение общестранового и республиканского перечня демонстрирует особенности трансформации коллективной памяти на уровне страны и отдельного народа.

Примечательно, что в период существования самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия набор праздничных дат существенно отличался как от советского времени, так и от нынешнего. Неизменным осталось празднование Ураза-Байрама, Курбан-Байрама, Пасхи. К светским праздникам в 1996–1999 гг. относились:

- 1–2 января – Толаманденош (Дни Победы) в честь боёв в новогодние дни 1994 – 1995 гг.;
- 27 января – День чести (в честь свободных выборов президента и парламента в 1997 году);
- 23 февраля – День возрождения чеченской нации;
- 12 марта – День Конституции Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ);
- 21 апреля – Газотан де (День газавата) День поминовения шахидов (в этот день был убит Д. Дудаев, вследствие чего в мемориальном календаре ЧРИ был выделен День памяти первого президента ЧРИ);
- 12 мая – День окончания войны между Россией и ЧРИ (подписание мирного договора в Москве в 1997 году);
- 21 мая – День возрождения Кавказа (в память о событиях 21 мая 1918 г.);
- 6 августа – День победы в честь военной операции «Джихад» по освобождению Грозного в 1996 году;
- 6 сентября – День независимости Ичкерии (в этот день в 1991 году провозгласили независимость на Общенациональном конгрессе чеченского народа);
- 31 декабря – День окончательного вывода российских войск из ЧРИ (1996 г.)

Перечисленные даты связаны с эпизодами, которые были важными при формировании коллективной памяти. Ныне большинство из этих дат никак не артикулируются в публичном пространстве по причине смены идеологических парадигм функционирующей политической системы как в центре, так и в регионе.

Укоренение пространственно-временных маркеров в местном сообществе. Как показали данные о пространственно-временных маркерах коллективной памяти, в Чеченской Республике произошли глубокие изменения в городской среде и социальной жизни. Советское наследие сочетается с современными трендами, выраженными в конструировании нового ландшафта, на котором базируется современная коммеморация. Насколько этот ландшафт признаваем разными слоями населения и насколько он активно влияет на формирование коллективной памяти? Анализ глубинных интервью показывает, что старшее поколение предпочитает в повседневной жизни и в общении между собой называть улицы и районы Грозного так, как привыкли в молодости: проспект Победы, ул. Ленина, проспект Орджоникидзе, Бароновка, посёлок Калинина,

«Индюшка», Башировка, Консервный, Заводской, Октябрьский районы, городок Иванова и т. д. Младшее же поколение (студенты) уже не помнит эти названия, особенно неофициальные, и они постепенно уходят из употребления.

Преобразующийся город Грозный с новой стилистикой, зонированием мест отдыха и развлечений формирует и в сознании людей старшего поколения «привыкание» к новому облику городской среды. Это подтверждают и интервью: «Да, послевоенный город, он красивый, чистый, ухоженный, неродной, это правда. Но велосипедные дорожки, комфортные торговые и развлекательные центры – это здорово, привыкаешь. Старые картины довоенного города постепенно стираются, к сожалению» (муж., 68 лет, грозненец). «Город чистый, много красивых зданий, торговых центров, засилье чрезмерное мечетей, но в целом холодный и без души» (он же). Такого содержания высказывания в основном характеризуют общий нарратив жителя Грозного, помнившего довоенный город. Старожилы также подтверждали, что мало кто из молодого поколения использует старые названия улиц: «Партизанская», «Ливандовского», «Розы Люксембург» и т. д. Типичный набор характеристик Грозного до войны содержится в описании города старожила-грозненца: «Город был уютный, зелёный, какой-то домашний... с любым посторонним ты мог спокойно заговорить, ощущение безопасности было, что ли?»¹

Эмоциональное отношение к старому Грозному в глазах «старожилов» оценивалось в таких формулировках: «были все дружные», «зелёный город», «безопасный», «уютный». «Когда начался этот базар в мозгах, подходят ко мне студентки и развлекаются: А. И., а мы, оказывается, разных национальностей: я – ингушка, Таня русская, Марета чеченка, Анжела армянка...»²

Из знаково-символических объектов старого города, к которым старожилы чувствовали психологическую привязанность, назывались следующие объекты: Городской парк им. Кирова, цирк, кинотеатры «Юбилейный», «Родина», «Космос», «Челюскинцев», городской бассейн «Садко», сквер им. Полежаева, библиотека и сквер им. Чехова, магазин «Мелодия», стадион «Динамо», аллея тополей по улице Первомайской. Таким образом, городская идентичность грозненца старшего поколения складывается из эмоциональной привязанности к старому городу и попыткой «примирить» новый топонимический передел со своей памятью, с новой стилистикой знаково-символических урбанонимов, фрагментарно чуждых, местами непонятных, но в целом «неродных».

В рамках анкетирования респондентам было предложено обозначить значимые для них городские объекты, места, символы, образы, причины переименования улиц, на которых они проживали, а также наиболее памятные и посещаемые туристами места.

¹ Старый добрый Грозный // Чечня сегодня : сайт. 04.10.2016. URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/294851> (дата обращения: 28.02.2024).

² Интервью преподавателя одного из вузов республики, проработавшей в вузе 14 лет и вынужденной уехать в ходе военных действий в Майкоп и там остаться. По национальности русская, 76 лет.

В целом локальное топонимическое пространство проживания молодёжи – название улиц, скверов – не является предметом особого интереса. Половина опрошенных студентов не смогли ответить на вопрос, как называлась улица, на которой они живут, раньше и почему переименована теперь. И только каждый четвёртый знал причину смены названия своей улицы.

При этом центральная часть города и излюбленные места посещения и отдыха туристов, такие как развлекательный центр «Грозный Молл», площадь качелей, центральные парки и скверы, мечеть «Сердце Чечни», бульвар им. М. Эсамбаева, респонденты называли с большой активностью (см. рис. 2).

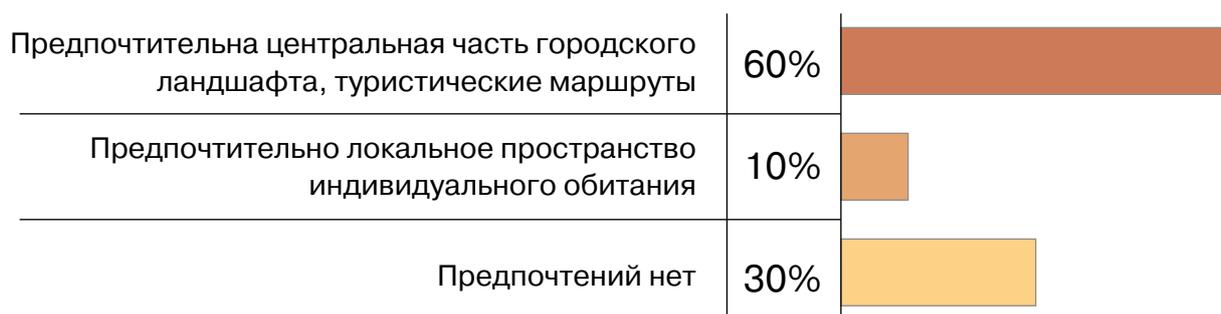

Рис. 2. Отношение респондентов к знаково-символическим объектам городского пространства, 2024, %

Отношение к памятникам может отражать динамику перехода от разных эпох и выражать результаты конструирования и укоренения элементов коллективной памяти (см. рис. 3).

Почти половина студентов (46%) не выразили своего отношения ни к каким видам праздников, отметив в анкете – «никакие». Более четверти отметили памятники, сохранившиеся с советской эпохи (памятник «Дружбы народов», памятник пожарным, погибшим при тушении пожаров от налётов нацистской авиации на Грозный 10–15 октября 1942 г.). К современным памятникам большинство респондентов относят мечеть «Сердце Чечни», отдельные студенты также назвали православный храм Михаила Архангела.

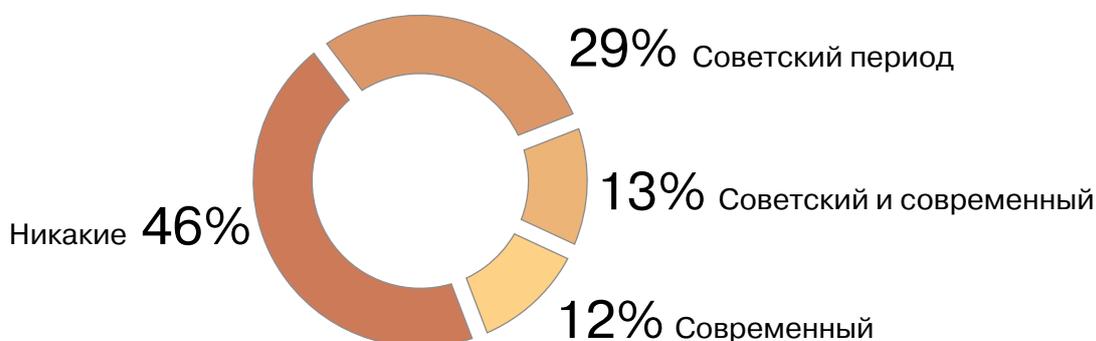

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос, памятники какого периода истории вы знаете, 2024, %

Знаково-символический уровень городской идентичности предполагает личностное освоение семиотической среды города, тотальное или фрагментарное включение её в пространство событийного и эмоционального опыта жителя. Восприятие молодым грозненцем топонимического ландшафта скорее ориентировано на политически ангажированные персоны. В отличие от ранее проведённых исследований в других городах России, где много упоминаний о поэтах (Пушкин, Лермонтов и др.), первом космонавте Ю. Гагарине и др. [16], в Грозном культурная память привязана больше к политическим фигурам. Это подтверждают ответы на вопрос: «Какие известные исторические личности в истории России Вы можете назвать?» В первую тройку входят Пётр Первый (21 ответ), В. И. Ленин (12), И. В. Сталин (9). Далее следуют Екатерина Великая (7), М. В. Ломоносов (7), В. В. Путин (6), Г. К. Жуков (5).

На вопрос о том, каких выдающихся представителей чеченского народа могли бы назвать респонденты, ответы распределились следующим образом: отец и сын Кадыровы (35%), Б. Беноевский (20%), Х. Нурадилов, М. Эсамбаев, Шейх-Мансур, Зелимхан и др. Эти примеры отражают доминирование новой идеологической стилистики в трансформации урбопространства города.

Важные и частые мероприятия, в которых приходится участвовать студентам, по их мнению, – это митинги, выборы в поддержку разных политических инициатив, шествия, флешмобы.

Полученные ответы респондентов позволили выделить два сценария построения идентификационных связей в системе «житель – город» с точки зрения их знаково-символической репрезентации. Внутренне ориентированный (интериорный) сценарий – идентификация с городом через соотнесение его знаково-символического ландшафта с личными переживаниями, воспоминаниями, предпочтениями. Этот уровень идентичности у молодёжи, выросшей в новом городе, выражен слабо. Внешне ориентированный (экстериорный) сценарий – идентификация с городом через его презентационные характеристики, объекты, отражающие имидж города, его своеобразие, которые обладают потенциалом бренда, выражен очень рельефно.

В отношении к событийному ряду прошлого наблюдается эмоциональная избирательность в пользу трагических событий: большинство опрошенных студентов в качестве важных событий называют депортацию, возвращение, военные события 1990-х гг. И только каждый третий студент помнит светские праздничные даты (см. рис. 4).

Анкетирование показало, что семья продолжает оставаться важным транслятором религиозных ценностей и смыслов: 85% респондентов отнесли праздники Ураза-Байрам и Курбан-Байрам к семейным праздникам. Около трети опрошенных отмечают в семьях как религиозные, так и некоторые светские праздники. Среди последних преобладает празднование Нового года и детских дней рождения. Среди светских праздников, которые принято отмечать на официальном уровне, в анкетах выделены День Конституции Чеченской Республики, День чеченского языка и др.

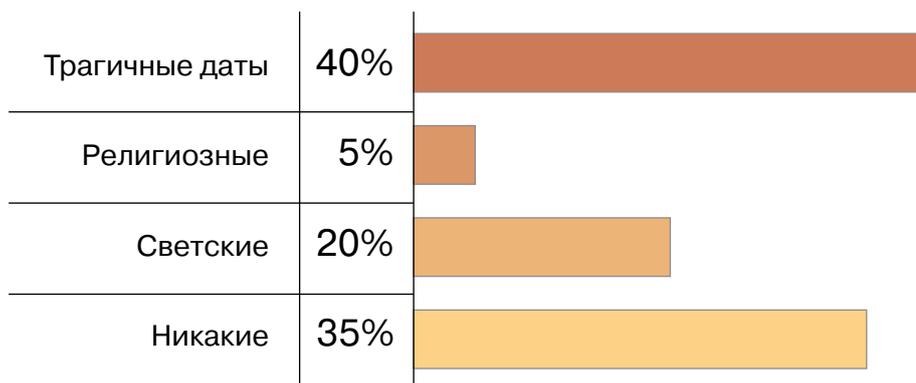

Рис. 4. Общественно значимые даты и праздники, выделяемые чеченскими студентами, 2024, %

К трагичным датам большинство студентов однозначно относят 23 февраля – день депортации чеченцев за пределы своей родины. Память об этой трагической дате сохраняется и передаётся в семейной традиции [17]. Совпадение этой даты с праздником Дня защитника Отечества приводит к наложению оценок (см. рис. 5). Это может объясняться определённым успехом конструирования и символического давления «сверху», когда на официальном уровне было решено перенести мероприятия, связанные с днём депортации 23 февраля, на 10 мая.

Наиболее значимая памятная дата на уровне региона – 23 февраля.

Основным актором топонимической стратегии региона является политическая элита республики. Она формирует новое прочтение национальных и религиозных символов в контексте конструирования новой чеченской идентичности через мемориализацию одних символов и забвение других. Таким образом, новая эстетика городской среды, реализуемая в рамках определённой топонимической политики региона, представляет собой симбиоз этнокультурных, светских, политических и религиозных символов. Углублённое изучение этой области даст понимание того, по какой логике будет формироваться топонимический передел постсоветского периода чеченского общества и как этот процесс отразится в конструировании и в воспроизводстве коллективной памяти.

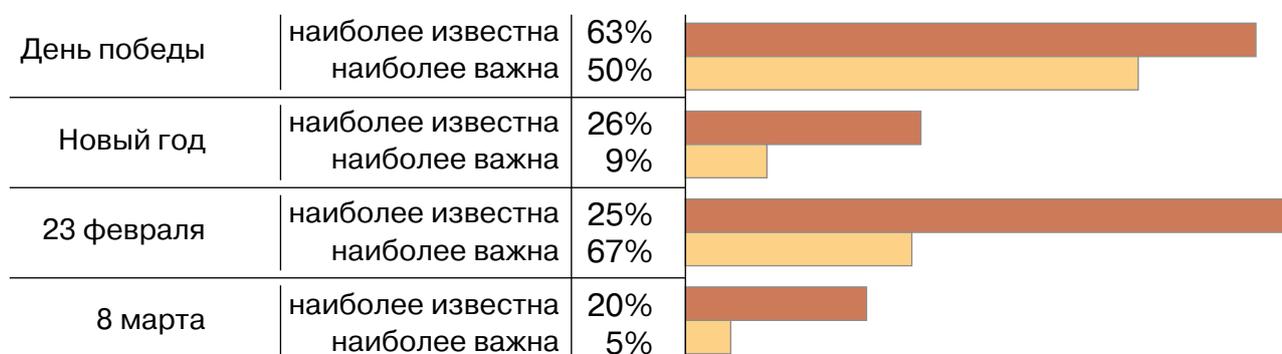

Рис. 5. Наиболее известные праздники и памятные даты, выделяемые чеченскими студентами, и их важность, 2024, % (допускалось несколько ответов от каждого респондента)

Дискуссия

Исходя из данных, полученных как из документальных материалов, так и из опросов и интервью, можно заключить, что формирование современной коллективной памяти в чеченском обществе основывается на таких механизмах, как конструирование и селекция коллективной памяти со стороны государства и сохранение пластов коллективной памяти и её трансформации на уровне семьи. Коллективная память включает смысловую и ценностную оценку ключевых исторических событий нескольких периодов:

- ссылка и возвращение на родину, сопутствующие события (с 1944 до конца 1950-х – начала 1960-х гг.);
- советский период индустриализации, урбанизации и коренной перестройки всего чеченского общества, переход от традиционной системы жизнедеятельности, основанной на институтах адата и шариата, к более светской (1960–1990);
- период с начала 1990-х и до 2009 года, ознаменовавшийся войнами, многочисленными жертвами, массовыми миграциями;
- современный период, начавшийся после отмены контртеррористической операции в 2009 году¹.

Первый период чётко выражен в коллективной памяти через события, связанные с депортацией и закреплённые на семейном уровне. Пространственно-временные маркеры второго периода были максимально стёрты военными событиями 1990-х гг. Тем не менее многие названия улиц и памятники советской эпохи остались, памятники были отреставрированы и даже установлены новые, не отражавшие идеологии советской эпохи (например, памятник М. Ю. Лермонтову). Пространственно-временные маркеры этого периода продолжают играть важную роль в жизни старшего поколения. Уже для молодого поколения они выполняют фоновую историческую функцию, могут быть утрачены с уходом представителей старшего поколения. Большинство студентов, принявших участие в двух опросах, относятся к ним индифферентно.

«Ичкерийский» период и последующие события фактически не представлены в нынешнем топонимическом ландшафте. Имеются исключения, связанные, например, с установкой памятников, а также с названиями улиц в честь погибших воинов, милиционеров, генералов российской армии: улица Г. Трошева, Г. Угрюмова, стела на улице Угрюмова рядом с Национальной библиотекой Чеченской Республики им. А. Айдамирова. Влияние этого периода на формирование коллективной памяти не исследовано.

Современный период обладает наибольшей динамикой, а изменения в топонимическом ландшафте оказывают чрезвычайно важное влияние на коллективную память. Укоренённость конструируемых пространственных (название улиц и др.) и временных (новые праздники) маркеров коллективной памяти пока ещё

¹ В Чечне снят режим контртеррористической операции // РБК : сайт. 16.04.2009. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2009/5703d3519a79473dc814db7e> (дата обращения: 19.02.2024).

довольно слабая. Подрастающее поколение по-своему адаптируется к новому топонимическому ландшафту и селективно реагирует на вводимые праздничные даты. Попытки навязать некоторые маркеры «сверху» остаются неэффективными. Так, одна из площадей в Грозном названа именем Н. С. Хрущёва. Однако этот топоним никак не укоренён в современную городскую жизнь, скорее это некий символический знак благодарности государственному деятелю, повлиявшему на возвращение чеченцев из ссылки. В повседневной жизни и даже на сайте мэрии Грозного площадь называется, как и прежде, «Минутка».

Новая знаково-символическая среда сформировала новую карту города, очень отдалённо напоминающую старый довоенный город. Карта города – это карта памяти и забвения. Идеология и политика идентичности оставляют на ней свои отпечатки, изучая которые можно реконструировать символику города и смыслы, привнесённые ранее и привносимые в неё сейчас. Городская идентичность – это зачастую фрагментарное включение её в пространство событийного и эмоционального опыта старого жителя, превращение объектов знаково-символического пространства города в своего рода ценностно промаркированные «места памяти» [18].

Как показали интервью и материалы анкетирования, воспроизводство коллективной памяти в социально-культурной среде города продолжает быть сильно дифференцированным на уровне семьи, социальной общности, вне семьи (трудовой коллектив, религиозная община, сельская община, спортивное сообщество и др.) и на уровне общегородском (государственном).

Больше всего возможностей трансформировать и даже конструировать коллективную память у государства, обладающего идеологией, институтами, устанавливающего топонимическую картину и закрепляющего календарные праздники. Промежуточные социальные страты между государством и семьёй адаптируют как государственные конструкты коллективной памяти, так и формирующиеся в рамках семьи. Трудовые коллективы, образовательные учреждения, религиозные общины и другие социальные системы влияют на коллективную память в той степени, в которой государство им «позволяет».

В Грозном наблюдается и другой тип коммеморации, связанный с относительно пассивным забыванием на фоне модернизации и переизбытка топонимов, которое Марк Оже называл «избыточным пространством», или «не-места». Для понимания явления «не-места» Марк Оже уточняет определение изначальных «мест». «Место» характеризуется тем, что оно должно быть идентифицирующим, связующим и историческим. Идентифицированность выражается в том, что проживание в конкретном пространстве характеризует человека и является частью его идентичности [19].

Заключение

На примере анализа пространственных (топонимика) и временных (календари, праздники) маркеров, в той или иной степени встроенных в повседневную

жизнь чеченцев, можно проследить, что коллективная память формируется под влиянием разнонаправленных тенденций: забвения исторических событий, «оживления» некоторых прошлых событий и конструирования иерархии ценностей, когда значимость одних событий искусственно занижается, а других – превозносится. Переименование улиц, отмена прежних праздничных дат являются проявлением нового социально-политического запроса, потребностей общества и желания народа обрести новый взгляд на события прошлого, отрефлексировать его и задать новые рамки своей идентичности. Тесная связь между изменениями в городской топонимике и конструированием памяти, замеченная рядом исследователей [7], ещё не до конца исследована. При этом важно подчеркнуть, что основным легальным актором топонимической стратегии региона является политическая элита республики, формирующая новое прочтение национальных и религиозных символов в контексте конструирования новой чеченской идентичности через мемориализацию одних символов и забвение других. Формирование коллективной памяти чеченцев – динамичный, незавершённый процесс, и отношение к местам памяти – суть внутривнутриполитических процессов в регионе. Забвение старых и пассивное восприятие чеченцами новых мемориальных дат и памятников есть результат избирательного восприятия социокультурной реальности, конструируемой сверху региональной политической элитой. Формируется знаково-символическая городская среда, в которой новые идеологические установки и факты не всегда отражают идентификационные предпочтения её жителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. *Тхакахов В. Х.* Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 17–25. EDN [YQRHCSN](#).
2. *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб : Санкт-Петербургский ун-т, 1999. 325 с. ISBN 5-288-02318-2.
3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 363 с. ISBN 5-94457-176-4. EDN [QOVTZJ](#).
4. *Lalli M.* Urban-Related Identity: theory, measurement and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12, № 4. P. 285–303. DOI [10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](#).
5. *Костина Е. Н.* Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Учёные записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 60–65. EDN [NTSZTF](#).
6. *Баранникова А. А.* Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города // Социология власти. 2017. Т. 29, № 1. С. 156–175. DOI [10.22394/2074-0492-2017-1-156-175](#). EDN [YPKVSY](#).
7. *Тхакахов В. Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2 (98). С. 40–49. DOI [10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49](#). EDN [ZQISXR](#).
8. *Головлёв А. А.* К двухсотлетию юбилею Грозного: урбанонимия и микротопонимия. Статья 1. Классификация урбанонимов и этапы их переименования // Региональное

- развитие: электронный научно-практический журнал. 2017. № 5 (23). С. 11–21. EDN [ZWZVZB](#).
9. *Молодикова И. Н.* Мигранты с Северного Кавказа в ЕС: проблемы интеграции и гендерных ролей // Наука. Инновации. Технологии. 2015. № 2. С. 99–119. EDN [VJWIPJ](#).
 10. Северный Кавказ: общество в регионе, стране и мире / Под ред. Д. С. Соколов. Киев : Лаурис, 2021. 272 с. ISBN 978-617-7313-67-9. EDN [VZDDPK](#).
 11. *Завершинский К. Ф.* Символические структуры политической памяти / К. Ф. Завершинский // Символическая политика : сборник научных трудов / Отв. ред. О. Ю. Малинова ; Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 149–163. EDN [PJPQWH](#).
 12. Символическая политика : сборник научных трудов / Отв. ред. О. Ю. Малинова ; Вып. 3. Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. 371 с. ISBN 978-5-248-00776-9. EDN [XSPKBH](#).
 13. *Arefi M.* Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place // Journal of Urban Design. 1999. Vol. 4, № 2. P. 179–193. DOI [10.1080/13574809908724445](#).
 14. *Курбанова Л. У.* Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев: теоретическое и эмпирическое исследование. Краснодар : Просвещение-ЮГ, 2012. 303 с. ISBN 978-5-93491-439-5.
 15. Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : ООО Вариант, 2011. 224 с. ISBN 978-5-903360-60-4. EDN [THMERP](#).
 16. Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всероссийского научного семинара. (Астрахань, 28–30 октября 2020 года) / Под общей ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2020. 207 с. ISBN 978-5-9926-1261-5. EDN [GIUOTK](#).
 17. *Осмаев А. Д.* Трансформация семейной памяти в современной Чеченской Республике // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, № 2. С. 50–56. DOI [10.15826/tetm.2023.2.051](#). EDN [ZLADAG](#).
 18. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. 560 с. ISBN 5-7333-0486-3. EDN [PHSLCB](#).
 19. *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / М. Оже ; пер. с фр. А. Ю. Коннова. М. : НЛО, 2017. 136 с. ISBN 978-5-4448-0862-7.

Сведения об авторах

Л. У. Курбанова

доктор социологических наук,

доцент

SPIN-код: [4347-4472](#)

А. Н. Гуня

доктор географических наук,

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [2828-2304](#)

Э. С. Абдулаева

кандидат философских наук,

доцент

SPIN-код: [5346-6693](#)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли следующий вклад в подготовку публикации:

Л. У. Курбанова разрабатывала методологическую основу исследования и структуру статьи, анализировала материалы интервью, участвовала в написании статьи;

А. Н. Гуня собирал и обрабатывал статистические и топонимические данные, работал с таблицами, участвовал в написании статьи;

Э. С. Абдулаева проводила опрос, участвовала в написании статьи.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 25.12.2024

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.4)

THE URBAN ENVIRONMENT OF GROZNY AS A SPACE FOR CONSTRUCTING AND REPRODUCING THE COLLECTIVE MEMORY OF MODERN CHECHEN SOCIETY

Lidia Uvaysova Kurbanova¹

Alexey Nikolaevich Gunya²

Elita Sultanovna Abdulaeva³

^{1,3} Chechen State University named after A. A Kadyrov, Grozny, Russia;

² Institute of Geography of RAS, Moscow, Russia

¹ medna59@mail.ru,

ORCID [0000-0003-4126-8241](https://orcid.org/0000-0003-4126-8241)

² gunyaa@yahoo.com,

ORCID [0000-0002-9255-1592](https://orcid.org/0000-0002-9255-1592)

³ elita8881@mail.ru,

ORCID [0000-0001-7877-3853](https://orcid.org/0000-0001-7877-3853)

For citation: Kurbanova L. U., Gunya A. N., Abdulaeva E. S. The urban environment of Grozny as a space for constructing and reproducing the collective memory of modern Chechen society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1): 74–94. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.4).

Abstract. The article examines the urban environment of the city of Grozny as a space for the construction and reproduction of cultural memory. Methodological approaches based on developments in collective memory are used, which examines the relationship between individual and collective memory, the role of oblivion in the creation of a new narrative, as well as the concept of symbolic dominance and places of memory. An attempt has been made to reveal two storylines of the meaning of the sign-symbolic redivision of the urban environment of Grozny through the eyes of the younger generation, which knows only the new post-war city, and through the eyes of an old citizen, in whose memory two images of the city are mixed: old and new. The empirical basis of the study was made up of a number of sources: the analysis of regional official documents on the change in toponymy of Grozny, analysis of the site “Good Old Grozny” (interviews with old residents of Grozny), data from surveys and interviews among students and pre-war residents of Grozny. A survey was conducted among students

in 2023 (N=92) and 2024 (N=76). Seven interviews were conducted among pre-war residents of Grozny. The results showed that the formation of modern cultural memory in Chechen society is based on different mechanisms. The main features are: 1) construction and selection of cultural memory (CM) by the state; 2) preservation of layers of CM and its transformation at the level of the family and close social environment; 3) a generational gap in the level of value assessment of key historical events of the Chechen society; 4) the dominance of the symbolic meanings of urbanonyms on the part of official institutions and agents of influence at the regional level. As a result, the urban environment is constructed as a kind of text-message, declaring a new narrative in the interpretation and presentation of the space in which urban identity and cultural memory of a resident of modern Grozny is formed.

Keywords: collective memory, urban environment, urban identity, Grozny, toponymy

Acknowledgements: the study was financially supported by RSF under the scientific project № 23-28-00698 “Cultural Memory and Tolerance: Problems of Formation of Values of Modern Society: Regional Aspect”.

REFERENCES

1. Thakakhov V. H. City map: symbolic transformation of space in the North Caucasus. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;(5):17–25. (In Russ.).
2. Nora P., Ozouf M., de Puymege J., Vinok M. France-Memory [Franciya-pamyat’]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij un-t’; 1999. 325 p. (In Russ.). ISBN 5-288-02318-2.
3. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity [Kul’turnaya pamyat’: pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vy’sokix kul’turax drevnosti]. Translated from German by M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki Slavyanskoi kultury; 2004. 363 p. (In Russ.).
4. Lalli M. Urban-Related Identity: theory, measurement and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*. 1992;12(4):285–303. DOI [10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7).
5. Kostina E. N. Memory, oblivion, identity: dialectics of phenomena. *Scientific notes of Kazan University=Uchenye zapisky Kazanskogo universiteta.Series: Humanities*. 2011;153(1):60–65. (In Russ.).
6. Barannikova A. A. Marking of social memory in urban space: memorial plaques in the formation of the cultural landscape of the city. *Sociology of Power=Soziologia vlasti*. 2017;29(1):156–175. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2017-1-156-175](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-156-175).
7. Tkhakakhov V. H. Identity and memory in the toponymic policy of Chechnya. *Scientific thought of the Caucasus=Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2019;2(98):40–49. (In Russ.). DOI [10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49](https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49).
8. Golovlev A. A. To the bicentennial anniversary of Grozny: urbanonymy and microtoponymy Article 1. Classification of urbanonyms and stages of their renaming. *Regional development: an electronic scientific and practical journal=Regional razvitie: elektronnyyeI prakticheskyye journal*. 2017;5(23):11–21. (In Russ.).
9. Molodikova I. N. Migrants from the North Caucasus to the EU: problems of integration and gender roles. *Nauka. Innovation. Technologies=Nauka. Innovazii. Technologii*. 2015;(2):99–119. (In Russ.).
10. Sokolov D. S. ed. The North Caucasus: Society in the Region. Country and World. Kyiv: Laurus; 2021. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-617-7313-67-9.
11. Zavershinsky K. F. Symbolic structures of political memory. In: Malinova O. Yu. ed. Symbolic politics: collection of scientific papers. Vol. 1. Constructing representations of the past as a power resource. Moscow: INION RAN; 2012. P. 149–63. (In Russ.).

12. Malinova O. Yu. ed. Symbolic Politics: Collection of Scientific Papers. Vol. 3. Political Functions of Myths. Moscow: INION RAN; 2015. 371 p. (In Russ.). ISBN 978-5-248-00776-9.
13. Arefi M. Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place. *Journal of Urban Design*. 1999;4(2):179–193. DOI [10.1080/13574809908724445](https://doi.org/10.1080/13574809908724445).
14. Kurbanova L. U. Problems and processes of gender identity of Chechens: a theoretical and empirical study. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug; 2012. 303 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93491-439-5.
15. Yarskaya V. N., Yarskaya-Smirnova E. R. eds. The power of time: the social boundaries of memory. Moscow: OOO Variant; 2011. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-903360-60-4.
16. Romanova A. P., Chernichkin D. A. eds. Religious identity and intercultural communication: materials of the All-Russian scientific seminar. Astrakhan, October 28–30, 2020. Astrakhan: Astraxanskij gosudarstvenny'j universitet; 2020. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9926-1261-5.
17. Osmaev A. D. Transformation of family memory in the modern Chechen Republic. *Tempus et Memoria*. 2023;(2):50–56. (In Russ.). DOI [10.15826/tetm.2023.2.051](https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.051).
18. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school [Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola]. Moscow: Gnosis; 1994. 560 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0486-3.
19. Auger M. No-place. Introduction to the anthropology of hypermodernity. Translated from French by A. Y. Konnova. Moscow: NLO; 2017. 136 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0862-7.

Information about the authors

L. U. Kurbanova

Doctor of Sociology,

Associate professor

Scopus AuthorID: [58740127400](https://orcid.org/58740127400)

A. N. Gunya

Doctor of Geography,

Leading Researcher

ResearcherID: [J-9071-2012](https://orcid.org/J-9071-2012)

Scopus AuthorID: [6505909193](https://orcid.org/6505909193)

E. S. Abdulaeva

Candidate of Philosophy,

Associate Professor

ResearcherID: [ABE-9289-2021](https://orcid.org/ABE-9289-2021)

The authors declare that there is no conflict of interest.

The authors have made an equivalent contribution to the publication.

Kurbanova L. U. developed the methodological structure of the work.

Gunya A. N. collected and processed statistical and toponymic data.

Abdulaeva E. S. conducted the survey. The authors jointly processed the empirical data and participated in writing the work.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 25.12.2024.